

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ТЕАТР

Возразим известному утверждению: Большой театр начинается не с вешалки, а... с 280-метровой артезианской скважины, помогающей поддерживать в здании микроклимат.

Ведь первое, что встречает пришедших в театр, — свежая утренняя прохлада. Из неприметного люка, втиснутого в асфальт площади Свердлова почти на длину Эйфелевой башни, уходит в землю скважина, подающая студеному воздуху в холодоцентр театра.

В этом центре воздух, нагнетаемый с улицы, принимает «душ»: в камерах охлаждения он попадает под перекрестные водяные струи и оставляет уличную пыль, обретая нужную температуру и влажность. После чего по воздуховодам — их называют «коробами», ведь по каждому свободно сможет пройти человек, — воздух движется ко всем помещениям огромного здания.

В 1856 году, когда после реконструкции Большой театр снова распахнул двери, никаких компрессоров и воздуховодов, понятно, не было. Их отчасти заменяло отверстие в потолке, куда, по мысли архитектора А. Кавоса, должна была выходить гарь и копоть от множества свечей и масляных ламп знаменитой люстры. Приток же воздуха осуществлялся через специальные щели над дверями. Можно предста-

вить, какому испытанию подвергалась любовь к искусству тех, кто заполнял верхние ярусы театра. Для артистов же работа в душном зале была просто экзаменом на выносливость. С приходом электричества положение несколько улучшилось, но проблема остроты не потеряла.

И вот в 1958 году под руководством И. Рожина было начато проектирование системы кондиционирования. Интересное предложение выдвинул архитектор С. Хазизов. По его мысли, охлажденный воздух должен был поступать в зал из щели, искусно замаскированной по периметру круглого потолка, опуститься до партера и, нагревшись, уйти в отверстие над люстрой. Поначалу высказывались опасения, что воздух нагреется прежде, чем опустится до партера. Но осуществить проект все же рискнули. Строительство длилось три года. Тогда и было создано подземное хозяйство Большого театра, включающее две артезианские скважины, компрессоры, мощные насосы, системы фильтров, кондиционеры.

Архитектор А. Кузнецова, отдавшая театру соток лет, вспоминает тот волнующий момент, когда комиссия принимала систему.

— Члены комиссии сидели в десятом ряду партера, — говорит она, — это

место оппоненты проекта считали критическим. Погас свет, раздвинулся занавес, Давали, как помнится, «Аиду». Создатели системы волновались, поэтому чуть «перестарались» в этот вечер. В середине спектакля в холодоцентр передали: «Комиссия просит поднять температуру воздуха: на сцене — южная страна, а в зале — зима». Это была победа.

Итак, в зрительный зал поступает воздух, имеющий оптимальные температуру и влажность. «Оптимальные» — сколько значений принимает это простое технологическое выражение, если речь идет о Большом театре. Влажность чуть больше нормы — в опасности окажется роспись зрительного зала. Чуть меньше — потеряют строй деревянные инструменты оркестра. Поэтому влажность воздуха всегда постоянна — 60 процентов.

Еще больше хлопот у сотрудников цеха кондиционирования с температурой. Ведь это фактор психологический. Нам, зрителям, и представить трудно, какое значение для общего тонаса она имеет порой. Например, артисты балета просят температуру воздуха поднять, а певцы, наоборот, хотят прохлады. По словам заместителя начальника цеха кондиционирования и сантехники К. Рассохина — а двадцать с лишним лет работы в теат-

ре придают его мнению авторитет, — наиболее чувствительно реагируют на малейшие изменения температуры дирижеры. Например, один не терпит ни малейшего движения воздуха за спиной. Другой же всегда просит «бурю». Можно было бы выполнить все просьбы и пожелания. Но существует норма, учитывающая и интересы зрителей, — двадцать один градус Цельсия ровно.

До сих пор речь шла о «невидимой продукции» цеха. А есть и видимая его деятельность. Например, колонны в зале, где танцует свой первый бал Наташа в опере С. Прокофьева «Война и мир», сделаны из особой ткани, и компрессоры цеха кондиционирования нагнетают в них воздух.

Этот же цех помог сделать «магическую» чашу из оперы К. Глюка «Ифигения в Авлиде» — ту самую чашу, из которой низко стелется по сцене белый густой дым. Его роль играет пар, рожденный от соприкосновения льда и горячего воздушного потока. Но самый главный из факторов цеха — пожар. Такой, как в «Князе Игоре» или «Хованщине», где имитация явления стихии просто великолепна. А это не только вопрос техники — как и всему в театре, эффектам принадлежит важная роль в выполнении общей задачи. Ведь даже воздух, попав под своды Большого театра, обрабатывается на службу искусству.

Д. ДИБРОВ,
корр. ТАСС.